

В этом новом миропорядке военно-экономическая мощь того или иного «центра силы» уже не может рассматриваться как безусловное основание стабильности, поскольку материальные и духовно-идеологические средства давления и разрушения рассредоточиваются сейчас по самым разным субъектам международной политики. Причем очень серьезно нужно думать о том, что среди этих субъектов велика доля сил, «которым не страшно умереть».

Гегемонистская доктрина США не случайно начала реализовываться в Афганистане и в Ираке. Именно по этому южному поясу (Афганистан – Северный Кавказ – Иран – Ирак – Сирия – Палестина) проходит линия геополитического разлома современной мировой цивилизации.

В своих нашумевших в середине 90-х гг. XX в. геополитических прогнозах американский ученый С. Хантингтон видит именно на этой линии будущие (отчасти уже и нынешние) столкновения Севера и Юга, христианского Запада и исламского Востока. С. Хантингтон, правда, считал этот прогноз долгосрочным (если не апокалиптическим) сценарием мирового развития. Нам же представляется, что эти столкновения являются катастрофическими явлениями переходного времени. Переходного от одного миропорядка к другому, который будет представлять собой систему многих относительно равновеликих полюсов, равновесие которого будет обеспечиваться сложным комплексом физических, информационных и духовно-идеологических компонентов.

Думается, что приведенные выше констатации и выводы о новых реалиях мировой политики имеют прямое отношение к формированию внешнеполитической стратегии России, которая в настоящее время остается державой, занимающей ключевое положение в международной системе геополитических и экономических взаимосвязей и которая с необходимостью реагирует на более или менее серьезные изменения мирового порядка.

Важнейшим направлением современной внешнеполитической стратегии России должна стать выработка адекватных моделей взаимодействия с соседними странами. Особенно актуальна сегодня такая модель для Каспийского региона, в котором проходит линия взаимодействия совокупных субъектов современной мировой политики как геополитического (регионально-географического) уровня – Европа-Азия, «Север-Юг», так и конфессионально-социокультурного уровня – православие (христианство)–мусульманство.

Именно в этом регионе наиболее масштабно и деструктивно могут проявить себя новые реалии и новые угрозы международной и национальной безопасности, о которых шла речь выше. В силу этих обстоятельств Каспийский регион должен стать важнейшим объектом как для теории, так и для практической политики.

¹ Так, например, интернетовская поисковая система RAMBLER по термину «новый мировой порядок» находит 28053 сайтов и 284373 документов (апрель 2003 г.).

ИНТЕГРАТИВНАЯ ИДЕОЛОГИЯ КАК ФАКТОР КОНСОЛИДАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА *

**В.И. Коваленко
(Москва, Россия)**

Разработка оснований и принципов, связанных с вызреванием в России общенациональной идеи (или общенациональной системы ценностей) осуществляется сегодня в достаточно сложной атмосфере. Трудности в ее осознании связаны, прежде всего, с масштабностью самих перемен в стране, отличающихся к тому же высокой степенью драматизма и даже духовного излома. В стране лишь складывается новая

* Статья подготовлена в рамках научной программы «Фундаментальные исследования высшей школы в области естественных и гуманитарных наук. Университеты России».

государственность, понимание целей и перспектив развития, роли и места России в современном мире. После распада Советского Союза, который в глазах многих россиян и был, по сути, Россией, в контексте непростых отношений с многими бывшими союзными республиками резко обостряется вопрос о национально-государственных интересах страны, о поиске национальной идентичности, ментальности россиян, особенностях отечественной политической традиции.

Обретение общенациональной (то есть интегрирующей) идеи затрудняется наличием резко конфронтационных отношений в политике, неоправданно высокой социальной поляризацией, неотрегулированностью федеративных начал, экстремистскими нотами в звучании этнического компонента. Требуется выделить и подчас неадекватную, на наш взгляд, реакцию внешнего окружения России, очень часто выражающуюся в интерпретациях на Западе любых попыток Москвы заявить о своих национальных интересах, отстаивать их в своей внешней политике как «имперских амбиций», а во внутренней — как фундаментализма и даже реваншизма.

С нашей точки зрения, допущение того, что любая страна, любой народ в своем историческом развитии неизбежно должны руководствоваться национально-государственными интересами, реализация которых (во всей их системе) выступает предпосылкой естественного и равноправного движения общества в мировом политическом процессе, вряд ли требует особого обоснования. Безусловно, самые параметры этих интересов должны иметь (тем более на разбеге XXI столетия) вполне цивилизованный характер, соотноситься с потребностями других стран и народов, мирового сообщества в целом.

В существующем дискуссионном поле относительно проблем разработки национальной идеи выделяется ряд вопросов, требующих тщательного осмысления. Не принижая проблемности национальной или религиозной составляющих (нужно хорошо представлять себе, как такая идея звучит в многонациональной и поликонфессиональной России), тем более ее содержания в начале XXI века, позволим себе остановиться только на одном аспекте: а нужна ли она вообще, как она сопрягается с внутренним строем демократического общества?

Можно вспомнить фразу из «Жизни Галилея» Б. Брехта. Когда великий мыслитель вынужден был отречься от своего учения, его верный и любимый последователь бросил ему (по Б. Брехту) горький упрек: «Несчастлива та страна, которая не имеет героев». Галилей ответил: «Несчастлива та страна, которой нужны герои!» Сильная мысль!

И все же, несмотря на ее бесспорное обаяние, существует острая потребность и в выявлении роли мобилизационных начал, к которым, несомненно, относится и интегративная идея, и в определении значимости институтов, процедур и принципов управления как сущностных оснований движения к демократическому обществу.

Важно иметь в виду, что главным вопросом всякой крупной демократической реформы неизбежно оказывается следующая задача: какова та наиболее эффективная модель отношений общества и государства, которая позволит обеспечить, с одной стороны, стабильное существование и развитие системы, а с другой — гарантию независимости прав и свобод личности. В таком ракурсе проблема функционирования институционализированных структур, оптимизации соответствующих процедур приобретает совсем не формальное, но принципиальное звучание. Это особенно важно для России, политический процесс в которой сегодня трудно уместить в рамки параметров демократического режима, а вернее, отобразить его в терминах «протодемократической эволюции» (Р. Даль).

Как свидетельствует мировой опыт переходов к демократии, такие эволюции могут протекать в различных институциональных формах, причем выбор той или иной из них имеет для демократизации общества существенное значение.

Появившаяся в 1963 г. книга Г. Алмонда и С. Вербы «Гражданская культура» положила начало продолжающейся по сей день дискуссии о взаимосвязи национальной культуры и политики. Так, в специальной литературе Запада достаточно широко утвердилось отождествление политической культуры с идеологией вообще (В. Блюм), конкретными идеологиями (Д. Бейкер, Н. Кофеле-Кале, Т. Рошон,

М. Митчелл) или политической индоктринацией (Р. Соломон, Р. Фаген). В более широком плане эта линия реализовала себя в кампании «реидеологизации», набравшей силу в связи с накатом «консервативной волны».

Все более влиятельные позиции стала занимать «теория общественного выбора» с характерным для нее игнорированием всякой социокультурной специфики, а также неинституционализм, в котором оптимальное развитие демократии выступает лишь следствием правильной стратегии конституционного строительства. Эти две теории на своем стыке породили модель «переменно-обусловленного выбора» (Т.Л. Карл, Г.О'Доннел, Ф. Шмитер). «Contingent choice», широко используемый для объяснения современных политических трансформаций, отстаивает представление о том, что решающая роль в демократизации принадлежит выработке «правил игры» политическими субъектами, формирующими таким путем институциональный контекст собственной деятельности.

Как бы то ни было, можно констатировать, что и по сей день среди народов Запады продолжают сохраняться серьезные различия в оценках роли и возможностей идеологических начал, прямая противопоставленность их нормам и принципам демократического конституционного строительства. Естественно, что такие же (даже еще более острые) формы разногласия проявляют себя и в современной России.

Постараемся выделить в наших рассуждениях некоторые реперные точки, задающие общую логику авторского подхода. Речь должна идти, прежде всего, о радикальном пересмотре долгое время бытовавшего у нас положения официальной науки о характере взаимосвязи общественного бытия и общественного сознания. В последние годы в его адрес было высказано немало упреков, и это справедливо. «Решающим фактором всякого государственного строительства является психология, «дух» народа-строителя», – писал И.Н. Солоневич¹.

Политики и экономисты, близкие к представлениям «чикагской школы», исходят из того, что основные трудности будут преодолены вместе со стабилизацией рубля, с утверждением мощных финансовых групп, способных эффективно управлять экономикой.

Бесспорно, необходимо и важно обуздание инфляции, решительная и беспощадная борьба с коррупцией и т.п. Можно ли, однако, обеспечить успех реформ без возрождения национального чувства самоуважения, осознания глубинного духовного смысла перемен? Полагаем, нет. Если не будет мощного идейного взлета, обретения страной и народом общих идеалов и целей, но сохранится состояние надлома и душевной пустоты, лишаящее людей перспективы, чувства своей востребованности и нужности, Россия еще долго останется обществом маргиналов, далеко стоящим от магистральных линий исторического развития.

Психологические предпосылки и психологические препятствия на пути перемен (если даже принять как безусловную мысль о полной выверенности самого курса реформ) коренятся в структуре и особенностях массового сознания. Сводить роль духовной стороны лишь к инструментальным возможностям политической психологии будет свидетельством слишком узкого взгляда на предмет.

Подобная психологическая и культурологическая установка, хотя и выходит за рамки сугубо технократических измерений, с нашей точки зрения, не только не преодолевает, но, по сути, реанимирует старый взгляд, согласно которому Россия – это «национальная пустыня», бессодержательное географическое пространство, которое может быть заполнено любой государственной или экономической формой.

Представляется, что М. Фридман, безусловный сторонник максимально свободного рынка, более глубок в понимании пружин и оснований трансформационного процесса: «Хотя приватизация – единственный ключ, имеется много вариантов перехода к ней в зависимости от истории, состояния экономики, традиций и прочих аспектов, характерных для каждой страны». Необходимо, следовательно, использовать не только мобилизационный потенциал психологической науки, который к тому же может обернуться инструментом плоского манипулирования, но и опереться на корневые основания жизненного уклада, отечественной духовной традиции (безусловно, адаптируя их к непреложным императивам мирового развития).

Встает, однако, вопрос, как обеспечить обретение таких идеалов и ценностей, которые были бы способны задать вектор позитивному общенациональному движению?

Для объединяющего вектора достаточно, очевидно, сплава базовых ценностей, единства в определении точек роста, в выборе адекватных социальных и политических технологий. Данное положение будет, с нашей точки зрения, верным в отношении стабильных стран, уже вступивших в фазу своего устойчивого развития, тем более вышедших на уровень более или менее зрелого гражданского общества.

В политологии не случайно утвердился, однако, ряд терминов, обладающих мощным эвристическим потенциалом. К их числу относится, в частности, и такое понятие, как «политическое время», помогающее выявить определенность конкретно-исторических характеристик политической жизни, определить степень востребованности тех или иных форм и атрибутов социального бытия, парадигм научного знания.

«В катастрофические эпохи, — писал Ф.А. Степун, — нельзя жить отреченными чувствами, заимствованными мыслями, мертвым грузом унаследованных убеждений»². России наших дней внутренне адекватен импульс к утверждению оснований действительной духовной власти (как это было во времена Сергия Радонежского) — способности вызывать подлинную веру, а вместе с ней готовность к мирской аскезе, жертвенничеству, подвижничеству во имя будущего страны.

Соглашаясь с посылом о пагубности, говоря словами И.А. Ильина, «утраты душевных измерений», о необходимости решительной реидеологизации российского общества в настоящий, переломный момент в его истории, тем не менее, считаем нужным обозначить свою позицию рядом оговорок, имеющих, как представляется, принципиальное значение.

Первая из них связана с простым вопросом: а возможна ли интегративная идея в обществе со столь разнонаправленными интересами, как это есть сегодня в России? В том, что в стране необходимо достижение общественного согласия, сходятся все политики. Однако как только речь заходит о путях достижения этого согласия, видимый консенсус начинает рассыпаться. В этих условиях неизбежна, с нашей точки зрения, претензия на доминирование какой-либо одной определенной системы ценностей. Политические технологии по мере достижения этого доминирования (равно как и на этапах борьбы за него) будут с необходимостью принимать более или менее репрессивный характер, что заведомо подорвет возможности демократического развития и зримо обозначит горизонты нового авторитаризма, а, возможно, и тоталитаризма.

История, к сожалению, научила нас чрезмерно малому. Менее всего — пониманию экологии общественной жизни. И самую злую шутку играют с нами наш привычный революционаризм, отказ от пути терпеливого возвращения культуры соревновательности различных общественных форм, обманчивый мираж правомерности «революционной целесообразности». Это верная дорога к режиму «единственной правильности», чреватому опасностью навязывания стране авантюрных «больших скачков», «нового порядка», с неизбежностью загоняющих Россию в очередной тупик. Требуется осознать, наконец, что моносистема — это всегда смерть системы, путь к социальной атрофии и энтропии.

Какими же видятся реальные слагаемые интегративной идеологии? В роли своеобразной «идеи-рамки», способной обеспечить консенсусную связь между приверженцами различных идеологических убеждений, мировоззренческих ориентаций, нами рассматривается концепция национальных интересов и приоритетов России.

Во что это может вылиться на практике и, очевидно, раньше или позже выльется, если иметь в виду образцы и нормы развитой политической культуры, демонстрируемой сегодня целым рядом стран? Политической культуры, где неотъемлемой чертой стала идея непрерывного обновления и совершенствования органических структур, что привело к превращению всех идеологий — в идеологии открытого типа, конкурирующие между собой не на основе отторжения альтернативных ценностей, но адаптации их к собственной модели. В результате консерватизм стал социальным и

либеральным, либерализм – социал-демократическим, социал-демократия – либеральной, и все они, так или иначе, восприняли парадигму таких ценностей, как законность и нравственность, гуманизм, ненасилие, равноправие партнеров в смысле равных стартовых возможностей граждан, групп, партий.

Имеет ли сегодня в России любая из классических идеологий шансы на единичную победу? Может ли таковым быть социализм (даже если он откажется от своих фундаменталистских форм) в силу мощного вызова со стороны либерализма с его пиететом к личностному раскрепощению? Либерализм — в стране с устойчивым этносоциальным архетипом, традиционно ориентированным на ценности коллективизма (вспомним, что об исконной «социалистичности» русского мужика писали не только и не столько В.И. Ленин, но и П.А. Столыпин, П.Н. Дурново)? Консерватизм, который в массовом сознании вообще ассоциируется с чем-то реакционно застойным?

Между тем разве консерватизм своими идеями о фундаментальных ценностях человеческого общежития, об органическом характере общественного развития, о значении преемственности и обновления социальных связей, передающихся от предков к потомкам, не обогатил коллективный разум мира? Чему иному, как ни либерализму принадлежит великая историческая заслуга в осознании приоритетности личностного начала, свободы и ответственности человека, самих оснований гражданского общества? Можно ли представить мир сегодня без имеющей многовековую историю идеи социальной справедливости, взращенной на социокультурных основаниях социалистической традиции? Но самое главное в том, что на уровне современной ступени цивилизационного развития все эти идеологии стали работать в режиме взаимошлифовки, дополняя и корректируя друг друга, обеспечивая тем самым естественное движение общества от начала свободы к началу равенства и наоборот, оптимальное сочетание динамизма и стабильности в социальной и политической сферах.

От первого обстоятельства логично перейти ко второму, носящему, с нашей точки зрения, более сложный, мы бы даже сказали фундаментальный характер. Речь идет о возможностях и границах мобилизационного типа развития, о возможностях и границах «порыва», о котором говорили и говорят многие наши ученые.

Мы согласны с мнением Н.Н. Моисеева о том, что мечта Лени Голубкова о домике в Париже не может быть вдохновляющим идеалом для россиян. Мы даже согласны с тем, что без использования мобилизационных механизмов трудно (а скорее, невозможно) выйти из кризисного состояния.

И все же, как мы полагаем, вопрос не столь очевиден, как это представляется на первый взгляд. Он неизбежно переходит в плоскость выявления того пути развития, который в науке принято именовать идеократическим. Проблема тем более интересная, что история России традиционно шла по пути телеологической реализации идеологически сформированных проектов: «Третий Рим», «европеизация» России Петром I, Елизаветой, Павлом I, Екатериной Великой, «строительство социализма» как в его ленинско-сталинской, так и в перестроечной версиях. Более того, и постперестроечные реформы, предназначенные для внедрения в нашей стране институциональные нормы политической демократии и рыночной экономики, в целом также укладываются в эту модель развития. Как бы то ни было, в России в оценке социальной реальности, пригодности того или иного социально-политического или экономического института идеологическая санкция (во всяком случае, в официальной сфере) всегда была более важным аргументом, чем доводы прагматического плана.

Преобладание идеократического типа политического процесса характерно для традиционных стран либо для государств, находящихся в экстремальных исторических условиях (в том числе, и переживающих начальную стадию модернизации). И страны западной цивилизации не избежали в своей политической жизни элементов идеократии, а в определенные периоды и преобладания идеологической составляющей в политическом процессе. Последнее было связано с характером социальной ситуации, способствовавшей включению идеократических механизмов политической организации социума. Это, в первую очередь, ситуации упадка, кризиса развития обществ и государств, связанные со сменой политического субъекта либо с очередными элитными перегруппировками.

Надо помнить, однако, и о границах идеократической модели. Она работоспособна на этапе резких перемен, в ходе отработки базовых социальных и духовных ценностей, базовых принципов государственного и социально-экономического устройства. Если параллельно (и по нарастающей) не будут совершенствоваться технологии политического изменения, институты и процедуры, то очередной общесистемный кризис политической власти, исчерпание созидательного ресурса общенациональной идеи, неминуемая последующая деградация политической элиты неизбежны.

Вот почему мобилизационные свойства духовного прорыва должны быть готовы к их замещению некоторыми ключевыми базовыми ценностями, фундаментально значимыми для всех и способными работать уже в ином, не идеократическом ключе.

И последнее. При всем пиетете к идейной составляющей трансформационного процесса важно видеть, что без четкого научного обеспечения – и на уровне отработки целей и приоритетов, и на уровне стратегии и тактики их воплощения в жизнь – она может обернуться еще одним монстром из тех, что уже не раз терзали Россию, стать всего лишь средством политического манипулирования, направленного против страны и народа.

Естественной поэтому представляется следующая логика реформ. Это, прежде всего, выявление комплекса исторических потребностей и задач России, взятого в тесном единстве с универсалиями политического процесса (включая общепланетарные, биосферные аспекты), отработка на этой основе системы общенациональных целей и приоритетов, их концептуальное оформление, программа, соответствующая стратегия, адекватные политические технологии, среди которых не последнюю роль должна играть технология политической мобилизации.

Вне этого и без этого вряд ли сегодня могут быть созданы действительно прочные опоры под новым общественным миропорядком, обеспечена та мера общественного единства, та степень общественной поддержки, без которых нечего и думать о выходе России на новые перспективные и достойные рубежи.

¹ *Солоневич И.* Народная монархия. М., 1991. С. 21.

² *Степун Ф.* Основные проблемы театра. Берлин, 1923. С. 115.